

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

М. Лермонтов

СОСНАВИ
СЧАСТИЛИВА

Михаил Юрьевич Лермонтов

Сашка (Поэмы)

Содержание

Глава I.....	0010
1.....	0010
2.....	0011
3.....	0012
4.....	0013
5.....	0014
6.....	0015
7.....	0016
8.....	0017
9.....	0018
10.....	0019
11.....	0020
12.....	0021
13.....	0022
14.....	0023
15.....	0024
16.....	0025
17.....	0026
18.....	0027
19.....	0028
20.....	0029
21.....	0030
22.....	0031
23.....	0032
24.....	0033

25	0034
26	0035
27	0036
28	0037
29	0038
30	0039
31	0040
32	0041
33	0042
34	0043
35	0044
36	0045
37	0046
38	0047
39	0048
40	0049
41	0050
42	0051
43	0052
44	0053
45	0054
46	0055
47	0056
48	0057
49	0058
50	0059
51	0060
52	0061

53	0062
54	0063
55	0064
56	0065
57	0066
58	0067
59	0068
60	0069
61	0070
62	0071
63	0072
64	0073
65	0074
66	0075
67	0076
68	0077
69	0078
70	0079
71	0080
72	0081
73	0082
74	0083
75	0084
76	0085
77	0086
78	0087
79	0088
80	0089

81	0090
82	0091
83	0092
84	0093
85	0094
86	0095
87	0096
88	0097
89	0098
90	0099
91	0100
92	0101
93	0102
94	0103
95	0104
96	0105
97	0106
98	0107
99	0108
100	0109
101	0110
102	0111
103	0112
104	0113
105	0114
106	0115
107	0116
108	0117

109	0118
110	0119
111	0120
112	0121
113	0122
114	0123
115	0124
116	0125
117	0126
118	0127
119	0128
120	0129
121	0130
122	0131
123	0132
124	0133
125	0134
126	0135
127	0136
128	0137
129	0138
130	0139
131	0140
132	0141
133	0142
134	0143
135	0144
136	0145

137	0146
138	0147
139	0148
140	0149
141	0150
142	0151
143	0152
144	0153
145	0154
146	0155
147	0156
148	0157
149	0158
Глава II	0159
1	0159
2	0160
3	0161
4	0162
5	0163
6	0164
7	0165
8	0166
9	0167
Примечания	0168

Михаил Юрьевич Лермонтов
Сашка
нравственная поэма

Глава I

1

Наш век смешон и жалок, – всё пиши

*Ему про казни, цепи да изгнанья,
Про темные волнения души,
И только слышишь муки да страданья.*

*Такие вещи очень хороши
Тому, кто мало спит, кто думать любит,
Кто дни свои в воспоминаньях губит.*

*Впадал я прежде в эту слабость сам,
И видел от нее лишь вред глазам;
Но нынче я не тот уж, как бывало, —
Пою, смеюсь. – Герой мой добрый малый.*

Он был мой друг. С ним я не знал
хлопот,
С ним чувствами и деньгами де-
лился;
Он брал на месяц, отдавал чрез
год,
Но я за то ни мало не сердился
И поступал не лучше в свой черед;
Печален ли, бывало, тотчас ска-
жет,
Когда же весел, счастлив – глаз не
кажет.
Не раз от скуки он свои мечты
Мне поверял и говорил мне ты;
Хвалил во мне, что прочие хвали-
ли,
И был мой вечный визави в кадри-
ли.

Он был мой друг. Уж нет таких друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый
Саша!
Пусть спит оно в земле чужих полей,
Не тронута никем, как дружба наша,
В немом кладбище памяти моей.
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная
дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза сомкнулись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших не понял ни единый.

*И было ль то привет стране родной,
Названье ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга —
Как разгадать? Что может в час такой
Наполнить сердце, жившее так много
И так недолго с смутною тревогой?
Один лишь друг умел тебя понять
И ныне может, должен рассказать
Твои мечты, дела и приключенья —
Глупцам в забаву, мудрым в поученье.*

*Будь терпелив, читатель милый
мой!*

*Кто б ни был ты: внук Евы иль
Адама,*

Разумник ли, шалун ли молодой,

—

*Картина будет; это – только ра-
ма!*

*От правил, утвержденных стари-
ной,*

*Не отступлю, – я уважаю строго
Всех стариков, а их теперь так
много...*

*Не правда ль, кто не стар в осьм-
надцать лет*

*Тот, верно, не видал людей и свет,
О наслажденьях знает лишь по
слухам*

*И предан был учителям да му-
кам.*

*Герой наш был москвич, и потому
Я враг Неве и невскому туману.*

Там (я весь мир в свидетели возьму)

*Веселье вредно русскому карману,
Заняття вредны русскому уму.*

Там жизнь грязна, пуста и молчалива,

Как плоский берег Финского залива.

*Москва – не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить
Москву.*

Там я впервые в дни надежд и счастья

*Был болен от любви и любово-
стра-
стья.*

Москва, Москва!.. люблю тебя как
сын,
Как русский, – сильно, пламенно и
нежно!
Люблю священный блеск твоих се-
дин
И этот Кремль зубчатый, безмя-
тежный.
Напрасно думал чуждый власте-
лин
С тобой, столетним русским ве-
ликаном,
Померяться главою и – обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно пора-
жал
Тебя пришлец: ты вздрогнул – он
упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей
славы.

Ты жив!.. Ты жив, и каждый ка-
мень твой —
Заветное преданье поколений.
Бывало, я у башни угловой
Сижу в тени, и солнца луч осен-
ний
Играет с мохом в трещине сырой,
И из гнезда, прикрытого карни-
зом,
Касатки вылетают, верхом, ни-
зом
Кружатся, вьются, чуждые лю-
дей.
И я, так полный волею страстей,
Завидовал их жизни безызвест-
ной,
Как упованье вольной, поднебес-
ной.

*Я не философ – боже сохрани! —
И не мечтатель. За полетом
пташки*

*Я не гонюсь, хотя в былые дни
Не вовсе чужд был глупой сей за-
машки.*

*Ну, муза, – ну, скорее, – разверни
Запачканный листок свой подо-
рожный!..*

*Не завирайся, – тут зоил безбож-
ный!..*

*Куда теперь нам ехать из Крем-
ля?*

*Ворот ведь много, велика земля!
Куда? – «На Пресню погоняй, из-
возчик!» —*

*«Старуха, прочь!.. Сворачивай,
разносчик!»*

*Луна катится в зимних облаках,
Как щит варяжский или сыр гол-
ландской.*

*Сравненье дерзко, но люблю я
страх*

*Все дерзости, по вольности дво-
рянской.*

*Спокойствия рачитель на часах
У будки пробудился, восклицая:
«Кто едет?» – «Муза!» – «Что за
чорт! Какая?»*

*Ответа нет. Но вот уже пруды...
Белеет мост, по сторонам сады
Под инеем пушистым спят уны-
лы;*

Луна сребрит железные перилы.

Гуляка праздный, пьяный моло-
дец,
С осанкой важной, в фризовой ши-
нели,
Держась за них, бредет – и вот ко-
нец
Перилам. – «Всё направо!» – За-
скрипели
Полозья по сугробам, как резец
По мрамору... Лачуги, цепью длин-
ной
Мелькая мимо, кланяются чин-
но...
Вдали мелькнул знакомый ого-
нек...
«Держи к воротам... Стой, – су-
гроб глубокий!..
Пойдем по снегу, муза, только
тише
И платье подними как можно вы-
ше».

Калитка – скрип... Двор темен.
По доскам
Идти неловко... Вот, насилу, сени
И лестница; но снегом по местам
Занесена. Дрожащие ступени
Грозят мгновенно изменить но-
гам.
Взошли. Толкнули дверь – и свет
огарка
Ударил в очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждает путь го-
стям
И вопрошает: «Что угодно вам?»
И, услышав ответ красноречивый,
Захлопнув дверь, бранится
неучтиво...

Но, несмотря на это, мы взойдем:

*Вы знаете, для музы и поэта,
Как для хромого беса, каждый дом*

*Имеет вход особый; ни секрета,
Ни запрещенья нет для нас ни в чем...*

У столика, в одном углу светлицы,

*Сидели две... девицы – не девицы...
Красавицы... названье тут как раз!..*

*Чем выгодней, узнать прошу я вас
От наших дам, в деревне и столице*

Красавицею быть или девицей?

*Красавицы сидели за столом,
Раскладывая карты, и гадали
О будущем. И ум их видел в нем
Надежды (то, что мы и все вида-
ли).*

*Свеча горела трепетным огнем,
И часто, вспыхнув, луч ее мгно-
венный
Вдруг обливал и потолок и стены.
В углу переднем фольга образов
Тогда меняла тысячу цветов,
И верба, наклоненная над ними,
Блистая вдруг листьями золоти-
ми.*

*Одна из них (красавицу) не вполне
Была прекрасна, но зато другая...
О, мы таких видали лишь во сне,
И то заснув – о небесах мечтая!
Слегка головку приклонив к стене
И устремив на столик взор при-
лежный,
Она сидела несколько небрежно.
В ответ на речь подруги иногда
Из уст ее пустое «нет» иль «да»
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили внима-
нья.*

Она была затейливо мила,
Как польская затейливая панна;
Но вместе с этим гордый вид че-
ла
Казался ей приличен. Как Сусанна,
Она б на суд неправедный пошла
С лицом холодным и спокойным
взором;
Такая смесь не может быть уко-
ром.
В том вы должны поверить мне в
кредит,
Тем боле, что отец ее был жид,
А мать (как помню) полька из-
под Праги...
И лжи тут нет, как в том, что
мы – варяги.

*Когда Суворов Прагу осаждал,
Ее отец служил у нас шпионом,
И раз, как он украдкою гулял
В мундире польском вдоль по ба-
стионам,
Неловкий выстрел в лоб ему по-
пал.*

*И многие, вздохнув, сказали:
«Жалкой,
Несчастный жид, – он умер не под
палкой!»*

*Его жена пять месяцев спустя
Произвела на божий свет дитя,
Хорошенькую Тирзу. Имя это
Дано по воле одного корнета.*

*Под рубищем простым она росла
В невежестве, как травка полевая
Проходим не замечена, – ни зла,
Ни гордой добродетели не зная.
Но час настал, – пора любви пришла.*

*Какой-то смертный ей сказал два
слова:*

*Она в объятья божества земного
Упала; но увы, прошло дней
шесть,*

*Уж полубог успел ей надоесть;
И с этих пор, чтоб избежать
ошибки,*

Она дарила всем свои улыбки...

Мечты любви умчались, как туман.

*Свобода стала ей всего дороже.
Обманом сердце платит за обман*

(Я так слышал, и вы слышали тоже).

*В ее лице характер южных стран
Изображался резко. Не наемный
Огонь горел в очах; без цели, томно,*

*Покрыты светлой влагой, иногда
Они блуждали, как порой звезда
По небесам блуждает, – и, конечно,*

Был это знак тоски немой, сердечной.

Безвестная печаль сменялась
вдруг
Какою-то веселостью недужной...
(Дай бог, чтоб всех томил такой
недуг!)
Волной вставала грудь, и пламень
южный
В ланитах рделся, белый полукруг
Зубов жемчужных быстро от-
крывался;
Головка поднималась, развивался
Душистый локон, и на лик мла-
дой
Катился лоснясь черною струей;
И ножка, разрезваясь, не зная пле-
на,
Бесстыдно обнажалась до колена.

*Когда шалунья навзничь на кроватъ,
Шутя, смеясь, роскошно упала,
Не спорю, мудрено ее понять, —
Она сама себя не понимала, —
Ей было трудно сердцу приказать,
Как баловню ребенку. Надо было
Кому-нибудь с неведомою силой
Явиться и приветливой душой
Его согреть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаем,
Всё это мы со временем узнаем.*

*Теперь к ее подруге перейдем,
Чтоб выполнить начатую кар-
тину.*

*Они недавно жили тут вдвоем,
Но души их сливались во едину,
И мысли их встречались во всем.*

*О, если б знали, сколько в этом
званье*

*Сердец отличных, добрых! Но вни-
манье*

*Увлечено блистаньем модных
дам.*

*Вздыхая, мы бежим по их сле-
дам...*

*Увы, друзья, а наведите справки,
Вся прелесть их... в кредит из
модной лавки!*

Она была свежа, бела, кругла,
Как снежный шарик; щеки, грудь и
шея,
Когда она смеялась или шла,
Дрожали сладострастно; не крас-
нея,
Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидела юбка; но плутовка
Поднять умела грудь, открыть
плечо,
Ласкать умела буйно, горячо
И, хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства...

Она звалась Варюшею. Но я
Желал бы ей другое дать назва-
нье:
Скажу ль, при этом имени, дру-
зья,
В груди моей шипит воспомина-
нье,
Как под ногой прижатая змея;
И ползает, как та среди развалин,
По жилам сердца. Я тогда печален,
Сердит, – молчу или браню весь
дом,
И рад прибить за слово чубуком.
Итак, для избежанья зла, мы на-
шу
Варюшу здесь перекрестим в Па-
рашу.

*Увы, минувших лет безумный сон
Со смехом повторить не смеет
лира!*

*Живой водой печали окроплен,
Как труп давно застывшего вам-
пира,*

*Грозя перстом, поднялся молча
он,*

*И мысль к нему прикована... Уже-
ли*

*В моей груди изгладить не успели
Столь много лет и столько мук
иных —*

*Волшебный стан и пару глаз боль-
ших?*

*(Хоть, признаюсь вам, разбирая
строго,*

Получше их видал я после много.)

Да, много лет и много горьких
мук
С тех пор отяготело надо мною;
Но первого восторга чудный звук
В груди не умирает, – и порою,
Сквозь облако забот, когда недуг
Мой слабый ум томит неугомон-
но,
Ее глаза мне светят благосклон-
но.
Так в час ночной, когда гроза шу-
мит
И бродят облака, – звезда горит
В дали эфирной, не боясь их зло-
сти,
И шлет свои лучи на землю в го-
сти.

Пред нагоревшей сальной свечой
Красавицы раздумавшись сидели,
И заставлял их вздрагивать по-
рой
Унылый свист играющей метели.
И как и вам, читатель милый
мой,
Им стало скучно... Вот, на место
знака
Условного, залаяла собака,
И у калитки брякнуло кольцо.
Вот чей-то голос... Идут на
крыльцо...
Параша потянулась и зевнула
Так, что едва не бухнулась со сту-
ла,

А Тирза быстро выбежала вон,
Открылась дверь. В плаще, заки-
дан снегом,
Явился гость... Насмешливый по-
клон
Отвесил и, как будто долгим бе-
гом
Или волнением был он утомлен,
Упал на стул... Заботливой рукою
Сняла Параша плащ, потом дру-
гою
Стряхнула иней с шелковых куд-
рей
Пришельца. Видно, нравился он
ей...
Всё нравится, что молодо, краси-
во,
И в чем мы видим прибыль особ-
ливо.

Он ловок был, со вкусом был одет,
Изящно был причесан и так дале.
На пальцах перстни изливали
свет,
И галстук надушен был, как на
бале.
Ему едва ли было двадцать лет,
Но бледностью казались покры-
ты
Его чело и нежные ланиты, —
Не знаю, мук ли то последних
след,
Но мне давно знаком был этот
цвет, —
И на устах его, опасней жала
Змеи, насмешка вечная блужда-
ла.

Заметно было в нем, что с ранних дней
В кругу хорошем, то есть в модном свете,
Он обжился, что часть своих ночей
Он убивал бесплодно на паркете
И что другую тратил не умней...
В глазах его открытых, но печальных,
Нашли бы вы без наблюдений дальных
Презренье, гордость; хоть он не был горд,
Как глупый турок иль богатый лорд,
Но всё-таки себя в числе двуногих
Он почитал умнее очень многих.

Борьба рождает гордость. Вое-
вать
С людскими предрассудками
труднее,
Чем тигров и медведей пора-
жать,
Иль со штыком на вражьей бата-
рее
За белый крестик жизнью риско-
вать...
Клянусь, иметь великий надо ге-
ний,
Чтоб разом сбросить цепь
предубеждений,
Как сбросил бы я платье, если б
вдруг
Из севера всевышний сделал юг.
Но ныне нас противное пугает:
Неаполь мерзнет, а Нева не тает.

Да кто же этот гость?.. Pardon, сейчас!..

Рассеянность... Monsieur, рекомендую:

Герой мой, друг мой – Сашка!..

Жаль для вас,

Что случай свел в минуту вас такую,

И в этом месте... Верьте, я не раз

Ему твердил, что эти посещения

О нем дадут весьма дурное мнение.

Я говорил, – он слушал, он был весь

Вниманье... Глядь, а вечером уж здесь!..

И я нашел, что мне его исправить

Труднее в прозе, чем в стихах прославить.

Герой мой Сашка тихо развязал
Свой галстук... «Сашка» – старое
названье!

Но «Сашка» тот печати не видал
И недозревший он угас в изгнанье.
Мой Сашка меж друзей своих не
знал

Другого имя, – дурно ль, хорошо
ли,

Разуверять друзей не в нашей во-
ле.

Он галстук снял, рассеянно пер-
стом

Провел по лбу, поморщился, по-
том

Спросил: «Где Тирза?» – «Дома». –
«Что ж не видно

Ее?» – «Уснула». – «Как ей спать не
стыдно!»

*И он поспешно входит в тот по-
кой,
Где часто с Тирзой пламенные но-
чи
Он проводил... Всё полно тишиной
И сумраком волшебным; прямо в
очи
Недвижно смотрит месяц золо-
той
И на стекле в узоры ледяные
Кидает искры, блески огневые,
И голубым сиянием стена
Игриво и светло озарена.
И он (не месяц, но мой Сашка)
слышит,
В углу на ложе кто-то слабо ды-
шит.*

*Он руку протянул, – его рука
Попала в стену; протянул другую,*
—

*Ощупал тихо кончик башмачка.
Схватил потом и ножку, но ка-
кую?!..*

*Так миньютюрна, так нежна,
мягка*

*Казалась эта ножка, что неволь-
но*

*Подумал он, не сделал ли ей боль-
но.*

*Меж тем рука всё далее ползет,
Вот круглая коленочка... и вот,
Вот – для чего смеетесь вы заране?* —

Вот очутилась на двойном кургане...

Блаженная минута!.. Закипел
Мой Александр, склонившись к де-
ве спящей.

Он поцелуй на грудь напечатлел
И стан ее обвил рукой дрожащей.
В самозабвеньи пылком он не
смел

Дохнуть... Он думал: «Тирза доро-
гая!

И жизнь и чувствами играя,
Как ты, я чужд общественных
связей, —

Как ты, один с свободой моей,
Не знаю в людях ни врага, ни дру-
га, —

Живу, чтоб жить как ты, моя по-
друга!

*«Судьба вчера свела случайно нас,
Случайно завтра разведет навечно,
—
Не всё ль равно, что год, что день,
что час,
Лишь только б я провел его беспечно?..»*

*И не сводил он ярких черных глаз
С своей жидовки и не знал, казалось,
Что резвое созданье притворялось.*

*Меж тем почла за нужное она
Проснуться и была удивлена,
Как надлежало... (Страх и удивление
Для женщин в важных случаях спасенье.)*

И, прежде потеряв глаза рукой,
Она спросила: «Кто вы?» – «Я,
твой Саша!» —
«Неужто?.. Видишь, баловник ка-
кой!
Ступай, давно там ждет тебя
Параша!..
Нет, надо разбудить меня... По-
стой,
Я отомщу». И за руку схватила
Его проворно и ... и укусила,
Хоть это был скорее поцелуй.
Да, мерзкий критик, что ты ни
толкуй,
А есть уста, которые украдкой
Кусать умеют сладко, очень
сладко!..

Когда бы Тирзу видел Соломон,
То верно б свой престол украсил
ею, —
У ног ее и царство, и закон,
И славу позабыл бы... Но не смею
Вас уверять, затем, что не рож-
ден
Владыкой, и не знаю, в низкой до-
ле,
Как люди ценят вещи на престо-
ле;
Но знаю только то, что Сашка
мой
За целый мир не отдал бы порой
Ее улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной
сказки.

«Откуда ты?» – «Не спрашивай,
мой друг!
Я был на бале!» – «Бал! а что та-
кое?» —
«Невежда! это – говор, шум и
стук,
Толпа глупцов, веселье городское,
—
Наружный блеск, обманчивый
недуг;
Кружатся девы, чванятся наря-
дом,
Притворствуют и голосом и
взглядом.
Кто ловит душу, кто пять тысяч
душ...
Все так невинны, но я им не муж.
И как ни уважаю добродетель,
А здесь мне лучше, в том луна
свидетель».

Каким-то новым чувством смущена,
Его слова еврейка поглощала.
Сначала показалась ей смешна
Жизнь городских красавиц, но...
сначала.
Потом пришло ей в мысль, что и
она
Могла б кружиться ловко пред
толпою,
Терзать мужчин надменной красою,
В высокие смотреться зеркала
И уязвлять, но не желая зла,
Соперниц гордой жалостью, и в
свете
Блестать, и ездить четверней в
карете.

Она прижалась к юноше. Листок
Так жметя к ветке, бурю ожи-
дая.

Стучало сердце в ней, как моло-
ток,

Уста полураскрытые, пылая,
Шептали что-то. С головы до ног
Она горела. Груды молодые
Как персики являлись наливные
Из-под сорочки... Сашкина рука
По ним бродила медленно, слег-
ка...

Но... есть во мне к стыдливости
вниманье —

И целый час я пропушу в молча-
нье.

*Всё было тихо в доме. Облака
Нескромный месяц дымкою оде-
ли,
И только раздавались изредка
Сверчка ночного жалобные тре-
ли;
И мышь в тени родного уголка
Скреблась в обои старые прилеж-
но.
Моя чета, раскинувшись небреж-
но,
Покоилась, не думая о том,
Что небеса грозили близким
днем,
Что ночь... Вы на веку своем едва
ли
Таких ночей десятков насчитали...*

*Но Тирза вдруг молчанье прервала
И молвила: «Послушай, прочь все
шутки!*

*Какая мысль мне странная при-
шла:*

*Что если б ты, откинув предрас-
судки*

(Она его тут крепко обняла),

*Что если б ты, мой милый, мой
бесценный,*

*Хотел меня утешить совершен-
но,*

*То завтра, или даже в день иной
Меня в театр повез бы ты с со-
бой.*

*Известно мне, всё для тебя воз-
можно,*

*А отказать в безделице безбож-
но».*

«Пожалуй!» – отвечал ей Саша.

Он

Из слов ее расслушал половину, —

Его клонил к подушке сладкий

сон,

Как птица клонит слабую тростину.

Блажен, кто может спать!

Я был рожден

С бессонницей.

В течение долгой

ночи

Бывало беспокойно бродят очи,

И жжет подушка влажное чело.

Душа грустит о том, что уж

прошло,

Блуждая в мире вымысла без пи-

щи,

Как лазарони или русский нищий...

*И жадный червь ее грызет, грызет, —
Я думаю, тот самый, что когда-то
Терзал Саула; но порой и тот
Имел отраду: арфы звук крылатый,
Как ангела таинственный полет,
В нем воскрешал и слезы и надежды;
И опускались пламенные вежды,
С гармонией сливалась мечта,
И злобный дух бежал, как от креста.
Но этих звуков нет уж в поднебесной, —
Они исчезли с арфою чудесной...*

*И всё исчезнет. Верить я готов,
Что наш безлучный мир – лишь
прах могильный
Другого, – горсть земли, в борьбе
веков
Случайно уцелевшая и сильно
Заброшенная в вечный круг миров.
Светилы ей двоюродные братья,
Хоть носят шлейфы огненного
платья,
И по сродству имеют в добрый
час
Влиянье благотворное на нас...
А дай сойтись, так заварится ка-
ша, —
В кулачки, и... прощай планета
наша.*

И пусть они блестят до той по-
ры,
Как ангелов вечерние лампы.
Придет конец воздушной их игры,
Печальная разгадка сей шарады...
Любил я с колокольни иль с горы,
Когда земля молчит и небо чи-
сто,
Теряться взором в их цепи огни-
стой, —
И мнится, что меж ними и зем-
лей
Есть путь, давно измеренный ду-
шой, —
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вместе все лучи их
света.

Итак, герой наш спит, приятный
сон,
Покойна ночь, а вы, читатель ми-
лый,
Пожалуйте, – иначе принужден
Я буду удержатъ вас силой ...
Роман, вперед!.. Не идет? – Ну,
так он
Пойдет назад. Герой наш спит по-
куда,
Хочу я рассказать, кто он, отку-
да,
Кто мать его была, и кто отец,
Как он на свет родился, наконец,
Как он попал в позорную обитель,
Кто был его лакей и кто учитель.

Его отец – симбирский дворянин,
Иван Ильич NN-ов, муж дородный,
Богатого отца любимый сын.
Был сам богат; имел он ум при-
родный
И, что ума полезней, важный чин;
С четырнадцати лет служил и с
миром
Уволен был в отставку бригади-
ром;
А бригадир блаженных тех вре-
мен
Был человек, и следственно умен.
Иван Ильич наш слыл по крайней
мере
Любезником в своей симбирской
сфере.

*Он был врагом писателей и книг,
В делах судебных почерпнул по-
знанья.*

*Спал очень долго, ел за четверых;
Ни на кого не обращал вниманья
И не носил приличия вериг.*

*Однако же пред знатью гордели-
вой*

*Умел он гнуться скромно и учти-
во.*

*Но в этот век учтивости закон
Для исполненья требовал поклон;
А кланяться закону иль вельмо-
же*

Считалось тогда одно и то же.

Он старших уважал, зато и сам
Почтительность вознаграждал
улыбкой

И, ревностный хотя угодник дам,
Женился, по словам его, ошибкой.

В чем он ошибся, не могу я вам
Открыть, а знаю только (не со-
врать бы),

Что был он грустен на другой
день свадьбы,

И что печаль его была одна

Из тех, какими жизнь мужей пол-
на.

По мне они большие эгоисты, —
Всё жен винят, как будто сами
чисты.

Благодари меня, о женский пол!
Я – Демосфен твой: за твою свободу

Я рад шуметь; я непомерно зол
На всю, на всю рогатую породу!
Кто власть им дал?.. Восстаньте,
– час пришел![1]

Конец всему есть! Беззаботно, явно

Идите вслед за Марьей Николавной!

Понять меня, я знаю, вам легко,
Ведь в ваших жилах – кровь, не
молоко,

И вы краснеть умеете уж кста-
ти

От взоров и намеков нашей бра-
тьи.

*Иван Ильич стерег жену свою
По старому обычаю. Без лести
Сказать, он вел себя, как я люблю,
По правилам тогдашней старой
чести.*

*Проказница ж жена (не утаю)
Читать любила жалкие романы
Или смотреть на светлый шар
Дианы,*

*В беседке темной сидя до утра.
А месяц и романы до добра
Не доведут, – от них мечты ро-
дятся...*

*А искушенью только бы добратъ-
ся!*

Она была прелакомый кусок
И многих дум и взоров стала цельюю.
Как быть: пчела садится на цветок,
А не на камень; чувствам и веселью
Казенных не назначено дорог.
На брачном ложе Марья Николаевна
Была, как надо, ласкова, исправна.
Но, говорят (хоть, может быть, и лгут),
Что долг супруги – только лишний труд.
Мужья у жен подобных (не в обиду
Будь сказано), как вывеска для виду.

Иван Ильич имел в Симбирске
дом
На самой на горе, против собора.
При мне давно никто уж не жил в
нем,
И он дряхлел, заброшен без надзо-
ра,
Как инвалид, с георгиевским кре-
стом.
Но некогда, с кудрявыми главами,
Вдоль стен колонны высились ря-
дами.
Прозрачною решеткой окружен,
Как клетка, между них висел бал-
кон,
И над дверьми стеклянными в по-
рядке
Виднелися гардин прозрачных
складки.

Внутри всё было пышно; на сто-
лах
Пестрели разноцветные клеенки,
И люстры отражались в зерка-
лах,
Как звезды в луже; моськи и бо-
лонки
Встречали шумно каждого в две-
рях,
Одна другой несноснее, а дале
Зеленый попугай, порхая в зале,
Кричал бесстыдно: «Кто при-
шел?.. Дурак!»
А гость с улыбкой думал: «как не
так!»
И, ласково хозяйкой принимаем,
Через пять минут мирился с попу-
гаем.

Из окон был прекрасный вид кругом:
Налево, то есть к западу, рядами
Блестали кровли, трубы и потом
Меж ними церковь с круглыми
главами,
И кое-где в тени – отрада днем —
Уютный сад, обсаженный ряби-
ной,
С беседкою, цветами и малиной,
Как детская игрушка, если вам
Угодно, или как меж знатных
дам
Румяная крестьянка – дочь приро-
ды,
Испуганная блеском гордой моды.

*Под глинистой утесистой горой,
Унизанной лачужками, направо,
Катилася широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки, как табун, тесни-
лись,
И флюгера на длинных мачтах
бились,
Жужжа на ветре, и скрипел ка-
нат
Натянутый; и серой мглой объ-
ят,
Виднелся дальний берег, и белели
Вкруг острова края песчаной ме-
ли.*

*Нестройный говор грубых голосов
Между судов перебегал порою;
Смех, песни, брань, протяжный
крик пловцов —*

*Всё в гул один сливалось над во-
дою.*

*И Марья Николавна, хоть суров
Казался ветер, и день был на зака-
те,*

*Накинув шаль или капот на вате,
С французской книжкой, часто,
сев к окну,*

*Следила взором сизую волну,
Прибрежных струй приливы и от-
ливы,*

Их мерный бег, их золотые гривы.

*Два года жил Иван Ильич с же-
ной,
И всё не тесны были ей корсеты.
Ее ль сложенье было в том виной,
Или его немолодые леты?..
Не мне в делах семейных быть су-
дьей!
Иван Ильич иметь желал бы сы-
на
Законного: хоть правом дворяни-
на
Он пользовался часто, но детей,
Вне брака прижитых, злодей,
Раскидывал по свету, где случит-
ся,
Страшась с своей деревней пород-
ниться.*

Какая сладость в мысли: я отец!
И в той же мысли сколько муки
тайной —
Оставить в мире след и наконец
Исчезнуть! Быть злодеем, и слу-
чайно, —
Злодеем потому, что жизнь — ве-
нец
Терновый, тяжкий, — так по край-
ней мере
Должны мы рассуждать по на-
шей вере...
К чему, куда ведет нас жизнь, о
том
Не с нашим бедным толковать
умом;
Но исключая два-три дня да дет-
ство,
Она, бесспорно, скверное наслед-
ство.

Бывало, этой думой удручен,
Я прежде много плакал и слезами
Я жег бумагу. Детский глупый сон
Прошел давно, как туча над степ-
нями;
Но пылкий дух мой не был осве-
жен,
В нем родилися бури, как в пусты-
не,
Но скоро улеглись они, и ныне
Осталось сердцу, вместо слез,
бурь тех,
Один лишь отзыв – звучный, горь-
кий смех...
Там, где весной белел поток игри-
вый,
Лежат кремни – и блещут, но не
живы!

Прилично б было мне молчать о том,
Но я привык идти против приличий,
И, говоря всеобщим языком,
Не жду похвал. – Поэт породы птичей,
Любовник роз, над розовым кустом
Урчит и свищет меж листов душистых.
Об чем? Какая цель тех звуков чистых? —
Прошу хоть раз спросить у соловья.
Он вам ответит песнью... Так и я
Пишу, что мыслю, мыслю что придется,
И потому мой стих так плавно льется.

Прошло два года. Третий год
Обрадовал супругов безнадежных:
Желанный сын, любви взаимной
плод,
Предмет забот мучительных и
нежных,
У них родился. В доме весь народ
Был восхищен, и три дня были
пьяны
Все на подбор, от кучера до няни.
А между тем печально у ворот
Всю ночь собаки выли напролет,
И, что страшнее этого, ребенок
Весь в волосах был, точно медве-
жонок.

*Старухи говорили: это знак,
Который много счастья обеща-
ет.*

*И про меня сказали точно так,
А правда ль это вышло? – небо
знает!*

*К тому же полуночный вой собак
И страшный шум на чердаке вы-
соком —*

*Приметы злые; но не быв проро-
ком,*

Я только покачаю головой.

*Гамлет сказал: «Есть тайны под
луной*

*И для премудрых», – как же мне,
поэту,*

*Не верить можно тайнам и Гам-
лету?..*

*Младенец рос милее с каждым
днем:*

*Живые глазки, белые ручонки
И русый волос, вьющийся кольцом*

—
*Пленяли всех знакомых; уж пленен-
ки*

Рубашечкой сменилися на нем;

И, первые проказы начиная,

Уж он дразнил собак и попугая...

Года неслись, а Саша рос, и в пять

Добро и зло он начал понимать;

*Но, верно, по врожденному влече-
нию,*

*Имел большую склонность к раз-
рушенью.*

Он рос... Отец его бранил и сек —
Затем, что сам был с детства
часто сечен,
А слава богу вышел человек:
Не стыд семьи, ни туп, ни изуве-
чен.
Понятья были низки в старый
век...
Но Саша с гордой был рожден ду-
шою
И желчного сложенья, — пред судь-
бою,
Перед бичом язвительной молвы
Он не склонял и после головы.
Умел он помнить, кто его обидел,
И потому отца возненавидел.

Великий грех!.. Но чем теплее
кровь,
Тем раньше зреют в сердце беспо-
койном
Все чувства – злоба, гордость и
любовь,
Как дерева под небом юга зной-
ным.
Шалун мой хмурил маленькую
бровь,
Встречаясь с нежным папенькой;
от взгляда
Он вздрагивал, как будто б капля
яда
Лилась по жилам. Это, может
быть,
Смешно, – что ж делать! – он не
мог любить,
Как любят все гостинные собачки
За лакомства, побои и подачки.

Он был дитя, когда в тесовый
гроб
Его родную с пеньем уложили.
Он помнил, что над нею черный
поп
Читал большую книгу, что кади-
ли,
И прочее... и что, закрыв весь лоб
Большим платком, отец стоял в
молчанье.
И что когда последнее лобзанье
Ему велели матери отдать,
То стал он громко плакать и кри-
чать,
И что отец, немного с ним поспо-
ря,
Велел его посечь... (конечно, с го-
ря).

Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал.
До времени отвыкнув от игры,
Он жадному сомненью сердце пре-
дал
И, презрев детства милые дары,
Он начал думать, строить мир
воздушный,
И в нем терялся мыслию послуш-
ной.
Таков средь океана островок:
Пусть хоть прекрасен, свеж, но
одинок;
Ладьи к нему с гостями не при-
станут,
Цветы на нем от зноя все увя-
нут...

Он был рожден под гибельной
звездой,
С желаньями безбрежными, как
вечность.
Они так часто спорили с душой
И отравили лучших дней беспеч-
ность.
Они летали над его головой,
Как царская корона; но без власти
Венец казался бременем, и стра-
сти,
Впервые пробудясь, живым огнем
Прожгли алтарь свой, не найдя
кругом
Достойной жертвы, – и в пустыне
света
На дружний зов не встретил он
ответа.

О, если б мог он, как бесплотный
дух,
В вечерний час сливаться с обла-
ками,
Склонять к волнам кипучим жад-
ный слух
И долго упиваться их речами,
И обнимать их перси, как супруг!
В глуши степей дышать со всей
природой
Одним дыханьем, жить ее свобо-
дой!
О, если б мог он, в молнию одет,
Одним ударом весь разрушить
свет!..
(Но к счастью для вас, читатель
милый,
Он не был одарен подобной силой.)

Я не берусь вполне, как психолог,
Характер Саши выставить нару-
жу
И вскрыть его, как с трюфлями
пирог.
Скорей судьей молчаньем я прину-
жу
К решению... Пусть суд их будет
строг!
Пусть журналист всеведущий
хлопочет,
Зачем тот плачет, а другой захо-
чет!..
Пусть скажет он, что бесом
одержим
Был Саша, – я и тут согласен с
ним,
Хотя, боюсь, приятель мой, по-
веса,
Взбесил бы иногда любого беса.

Его учитель чистый был француз,
Marquis de Tess.[2] Педант полуза-
бавный,
Имел он длинный нос и тонкий
вкус
И потому брал деньги преисправ-
но.
Покорный раб губернских дам и
муз,
Он сочинял сонеты, хоть порою
По часу бился с рифмою одною;
Но каламбуров полный лексикон,
Как талисман, носил в карманах
он,
И, быв уверен в дамской благода-
ти,
Не размышлял, что кстати, что
не кстати.

*Его отец богатый был маркиз,
Но жертвой стал народного вол-
нения:*

*На фонаре однажды он повис,
Как было в моде, вместо украше-
нья.*

*Приятель наш, парижский Адо-
нис,*

*Оставив прах родителя судьбине,
Не поклонился гордой гильотине:*

*Он молча проклял вольность и
народ,*

*И натошак отправился в поход,
И, наконец, едва живой от муки,
Пришел в Россию поощрять нау-
ки.*

*И Саша мой любил его рассказ
Про сборища народные, про шум-
ный
Напор страстей и про последний
час
Венчанного страдальца... Над
безумной
Парижскою толпою много раз
Носилося его воображенье:
Там слышал он святых голов па-
денье,
Меж тем как нищих буйный мил-
лион
Кричал, смеясь: «Да здравствует
закон!»
И в недостатке хлеба или злата,
Просил одной лишь крови у Мара-
та.*

Там видел он высокий эшафот;
Прелестная на звучные ступени
Всходила женщина... Следы за-
бот,
Следы живых, но тайных угрызе-
ний
Виднелись на лице ее. Народ
Рукоплескал... Вот кудри золотые
Посыпались на плечи молодые;
Вот голова, носившая венец,
Склонилась на плаху... О, творец!
Одумайтесь! Еще момент, зло-
деи!..
И голова оторвана от шеи...

*И кровь с тех пор рекою потекла,
И загремела жадная секира...
И ты, поэт, высокого чела
Не уберег! Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Всё, всё, что ты считал своей ду-
шою —
Слова, мечты с надеждой и тос-
кою...
Напрасно!.. Ты прошел кровавый
путь,
Не отомстив, и творческую грудь
Ни стих язвительный, ни смех хо-
лодный
Не посетил – и ты погиб бесплод-
но...*

*И Франция упала за тобой
К ногам убийц бездушных и ничтожных.
Никто не смел возвысить голос свой;
Из мрака мыслей гибельных и ложных
Никто не вышел с твердою душой, —
Меж тем как втайне взор Наполеона
Уж зрел ступени будущего трона...
Я в этом тоне мог бы продолжать,
Но истина – не в моде, а писать
О том, что было двести раз в газетах,
Смешно, тем боле об таких предметах.*

*К тому же я совсем не моралист,
—
Ни блага в зле, ни зла в добре не
вижу,
Я палачу не дам похвальный лист,
Но клеветой героя не унижу, —
Ни плеск восторга, ни насмешки
свист
Не созданы для мертвых. Царь
иль воин,
Хоть он отличья иногда достоин,
Но верно нам за тяжкий мавзо-
лей
Не благодарен в комнатке своей,
И, длинным одам внемля понево-
ле,
Зевая вспоминает о престоле.*

Я прикажу, кончая дни мои,
Отнести свой труп в пустыню и
высокий
Курган над ним насыпать, и –
любви
Символ ненарушимый – одинокий
Поставить крест: быть может
издали,
Когда туман протянется в доли-
не,
Иль свод небес взбунтуется, к вер-
шине
Гостеприимной нищий пешеход,
Его заметив, медленно придет,
И, отряхнувши посох, безнадеж-
ней
Вздыхнет о жизни будущей и
прежней —

И проклянет, склонясь на крест
святой,
Людей и небо, время и природу, —
И проклянет грозы бессильный
вой
И пылких мыслей тщетную сво-
боду...
Но нет, к чему мне слушать плач
людской?
На что мне черный крест, курган,
гробница?
Пусть отдадут меня стихиям!
Птица
И зверь, огонь и ветер, и земля
Разделят прах мой, и душа моя
С душой вселенной, как эфир с
эфиром,
Сольется и развеется над ми-
ром!..

*Пускай от сердца, полного тоской
И желчью тайных тщетных со-
жалений,
Подобно чаше, ядом налитой,
Следов не остается... Без волне-
ний
Я выпил яд по капле, ни одной
Не уронил; но люди не видали
В лице моем ни страха, ни печал-
ли,
И говорили хладно: он привык.
И с той поры я облил свой язык
Тем самым ядом, и по праву ме-
сти
Стал унижать толпу под видом
лести...*

Но кончим этот скучный эпизод
И обратимся к нашему герою.
До этих пор он не имел забот
Житейских и невинною душою
Искал страстей, как пищи. Длин-
ный год
Провел он средь тетрадей, книг,
историй,
Грамматик, географий и теорий
Всех философий мира. Пять си-
стем
Имел маркиз, а на вопрос: зачем?
Он отвечал вам гордо и свободно:
«Monsieur, c'est mon affaire»[3] –
так мне угодно!

*Но Саша не внимал его словам, —
Рассеянно в тетради над строка-
ми
Его рука чертила здесь и там
Какой-то женский профиль, и оча-
ми,
Горящими подобно двум звездам,
Он долго на него взирал и нежно
Вздыхал и хоронил его прилежно
Между листов, как тайный ми-
лый клад,
Залог надежд и будущих наград,
Как прячут иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булав-
ку...*

Но кто ж она? Что пользы ей
вскружить
Неопытную голову, впервые
Сердечный мир дыханьем возму-
тить
И взволновать надежды огневые?
К чему?.. Он слишком молод,
чтоб любить,
Со всем искусством древнего Фо-
блаза.
Его любовь, как снег вершин Кав-
каза,
Чиста, – тепла, как небо южных
стран...
Ему ль платить обманом за об-
ман?..
Но кто ж она? – Не модная вер-
тушка,
А просто дочь буфетчика,
Маврушка...

*И Саша был четырнадцать лет.
Он привыкал (скажу вам под секретом,
Хоть важности большой во всем
том нет)
Толкаться меж служанок. Часто
летом,
Когда луна бросала томный свет
На тихий сад, на свод густых ака-
ций,
И с шопотом толпа домашних
граций
В аллее кралась, – легкою стопой
Он догонял их; и, шутя, порой,
Его невинность (вы поймете са-
ми)
Они дразнили дерзкими перста-
ми.*

*Но между них он отличал одну:
В ней было всё, что увлекает ду-
шу,
Волнует мысли и мешает сну.
Но я, друзья, покой ваш не нарушу
И на портрет накину пелену.
Ее любил мой Саша той любовью,
Которая по жилам с юной кровью
Течет огнем, клокочет и кипит.
Боролись в нем желание и стыд;
Он долго думал, как в любви от-
крыться, —
Но надобно ж на что-нибудь ре-
шиться.*

И мудрено ль? Четырнадцать
лет
Я сам страдал от каждой жен-
ской рожки
И простодушно уверял весь свет,
Что друг на дружку все они похо-
жи.
Волнующихся персей нежный
цвет
И алых уст горячее дыханье
Во мне рождали чудные желанья;
Я трепетал, когда моя рука
Атласных плеч касалась слегка,
Но лишь в мечтах я видел без по-
крова
Всё, что для вас, конечно, уж не
ново...

Он потерял и сон и аппетит,
Молчал весь день и бредил в ночь,
бывало,
По коридору бродит и грустит,
И ждет, чтоб платье мимо про-
жужжало,
Чтоб ясный взор мелькнул... Суро-
вый вид
Приняв, он иногда улыбкой хлад-
ной
Ответствовал на взор ее отрад-
ный...
Любовь же неизбежна, как судьба,
А с сердцем страх невыгодна
борьба!
Итак, мой Саша кончил с ним во-
зиться
И положил с Маврушей объяс-
ниться.

Случилось это летом, в знойный
день.

По мостовой широкими клубами
Вилася пыль. От труб высоких
тень

Ложилася на крышах полосами,
И пар с камней струился. Сон и
лень

Вполне Симбирском овладели; да-
же

Катилась Волга медленней и гла-
же.

В саду, в беседке темной и сырой,
Лежал полураздетый наш герой

И размышлял о тайне съединенья
Двух душ, – предмет достойный
размышленья.

Вдруг слышит он направо, за кустом
Сирени, шорох платья и дыханье
Волнующейся груди, и потом
Чуть внятный звук, похожий на
лобзанье.
Как Саше быть? Забилося сердце в
нем,
Запрыгало... Без дальних опасений
Он сквозь кусты пустился легче
тени.
Трещат и гнутся ветви под рукой.
И вдруг пред ним, с Маврушкой
молодой
Обнявшись в тени цветущей виш-
ни,
Иван Ильич... (Прости ему все-
вышний!)

Увы! покоясь на траве густой,
Проказник старый обнимал бес-
стыдно
Упругий стан под юбкою простой
И не жалел ни ножки миловид-
ной,
Ни круглых персей, дышащих вес-
ной!
И долго, долго бился, но напрасно!
Огня и сил лишен уж был
несчастный.
Он встал, вздохнул (нельзя же не
вздохнуть),
Поправил брюхо и пустился в
путь,
Оставив тут обманутую деву,
Как Ариадну, преданную гневу.

*И есть за что, не спорю... Между
тем
Что делал Саша? С неподвижным
взглядом,
Как белый мрамор холоден и нем,
Как Аббадона грозный, новым
адам
Испуганный, но помнящий эдем,
С понишкой стоял он головою,
И на челе, наморщенном тоскою,
Качались тени трепетных вет-
вей...
Но вдруг удар проснувшихся стра-
стей
Перевернул неопытную душу,
И он упал как с неба на Маврушу.*

*Упал! (прости невинность!). Как
змея,
Маврушу крепко обнял он руками,
То холодея, то как жар горя,
Неистово впился в нее устами
И – обезумел... Небо и земля
Слились в туман. Мавруша про-
стонала
И улыбнулась; как волна, встава-
ла
И упала грудь, и томный взор,
Как над рекой безлучный метеор,
Блуждал вокруг без цели, без пред-
мета,
Боясь всего: людей, дерев и света...*

Теперь, друзья, скажите напрямик,
Кого винить? ... По мне, всего прекрасней
Сложить весь грех на чорта, – он привык
К напраслине; к тому же безопасней
Рога и когти, чем иной язык...
Итак заметим мы, что дух незримый,
Но гордый, мрачный, злой, неотразимый
Ни ладаном, ни бранью, ни крестом,
Играл судьбою Саши, как мячом,
И, следуя пустейшему капризу,
Кидал его то вкось, то вверх, то книзу.

Два месяца прошло. Во тьме ночной,
На цыпочках по лестнице ступая,
В чепце, платок накинув шерстяной,
Являлась к Саше дева молодая;
Задув лампаду, трепетной рукой
Держась за спинку шаткую кровати,
Она искала жарких там объятий.
Потом, на мягкий пух привлечена,
Под одеяло пряталась она;
Тяжелый вздох из груди вырывался,
И в жарких поцелуях он сливался.

Казалось, рок забыл о них. Но раз
(Не помню я, в который день неде-
ли),—
Уж пролетел давно свиданья час,
А Саша всё один был на постели.
Он сел к окну в раздумьи. Тихо гас
На бледном своде месяц серебри-
стый,
И неподвижно бахромой волни-
стой
Вокруг его висели облака.
Дремало всё, лишь в окнах изредка
Являлась свечка, силуэт рубча-
тый
Старухи, из картин Рембрандта
взятый,

Мелькая, рисовался на стекле
И исчезал. На площади пустынной,
Как чудный путь к неведомой
земле,
Лежала тень от колокольни
длинной,
И даль сливалась в синеватой
мгле.
Задумчив Саша... Вдруг скрипнули
двери,
И вы б сказали – поступь райской
пери
Послышалась. Невольно наш ге-
рой
Вздрыгнул. Пред ним, озарена лу-
ной,
Стояла дева, опустивши очи,
Бледнее той луны – царицы ночи...

И он узнал Маврушу. Но – творец!

—
*Как изменилось нежное созданье!
Казалось, тело изваял резец,
А бог вдохнул не душу, но страда-*
нье.

*Она стоит, вздыхает, наконец
Подходит и холодными руками
Хватает руку Саши, и устами
Прижалась к ней, и слезы потекли
Всё больше, больше, и, казалось,
жгли*

*Ее лицо... Но кто не зрел картины
Раскаянья преступной Магдали-*
ны?

*И кто бы смел изобразить в словах,
Что дышит жизнью в красках
Гвидо-Рени?
Гляжу на дивный холст: душа в
очах,
И мысль одна в душе, – и на колене
Готов упасть, и непонятный
страх,
Как струны лютни, потрясает
жилы;
И слышишь близость чудной тайной
силы,
Которой в мире верует лишь
тот,
Кто как в гробу в душе своей
живет,
Кто терпит все упреки, все печали,
Чтоб гением глупцы его назвали.*

*И долго молча плакала она.
Рассыпавшись на кругленькие плечи,
Ее власы бежали, как волна.
Лишь иногда отрывистые речи,
Отзыв того, чем грудь была полна,
Блуждали на губах ее; но звуки
Яснее были слов... И голос муки
Мой Саша понял, как язык родной;
К себе на грудь привлек ее рукой
И не щадил ни нежностей, ни ласки,
Чтоб поскорей добраться до развязки.*

*Он говорил: «К чему печаль твоя?
Ты молода, любима, – где ж стра-
данье?»*

*В твоих глазах – мой мир, вся
жизнь моя,
И рай земной в одном твоём лоб-
занье...*

*Быть может, злобу хитрую тая,
Какой-нибудь... Но нет! И кто же
смеет*

*Тебя обидеть? Мой отец дряхле-
ет,*

*Француз давно не годен никуда...
Ну, полно! слезы прочь, и ляг сю-
да!»*

*Мавруша, крепко Сашу обнимая,
Так отвечала, медленно вздыхая:*

*«Послушайте, я здесь в последний раз.
Пренебрегла опасность, наказание,
Стыд, совесть – всё, чтоб только видеть вас,
Поцеловать вам руки на прощанье
И выманить слезу из ваших глаз.
Не отвергайте бедную, – довольно
Уж я терплю, – но что же?.. Сердце вольно...
Иван Ильич проведal от людей
Завистливых... Всё Ванька ваш,
злодей, —
Через него я гибну... Всё готово!
Молю!.. о, киньте мне хоть
взгляд, хоть слово!*

*«Для вашего отца впервые я
Забыла стыд, – где у рабы защи-
та?»*

*Грозил он ссылкой, бог ему судья!
Прошла неделя, – бедная забыта...*

А всё любить другого ей нельзя.

*Вчера меня обидными словами
Он разбранил... Но что же перед
вами?*

*Раба? игрушка!.. Точно: день, два,
три*

*Мила, а там? – пожалуй, хоть
умри!..»*

*Тут начались слезы, восклицанья,
Но Саша их оставил без вниманья.*

«Ах, барин, барин! Вижу я, понять
Не хочешь ты тоски моей сердеч-
ной!..

Прощай, – тебя мне больше не ви-
дать,
Зато уж помнить буду вечно, вечно...
но...

Виновны оба, мне ж должно стра-
дать.

Но, так и быть, целуй меня в
грудь, в очи, —

Целуй, где хочешь, для последней
ночи!..

Чем свет меня в кибитке увезут
На дальний хутор, где Маврушу
ждут

Страданья и мужик с косматой
бородою...

А ты? – вздохнешь и слюбишься с
другою!»

Она заплакала. Так или нет
Изгнанница младая говорила,
Я утверждать не смею; двух,
трех лет
Достаточно губительная сила,
Чтобы святейших слов загла-
дить след.
А тот, кто рассказал мне по-
весть эту, —
Его уж нет... Но что за нужда
свету?
Не веры я ищу, — я не пророк,
Хоть и стремлюсь душою на Во-
сток,
Где свиньи и вино так ныне редки,
И где, как пишут, жили наши
предки!

Она замолкла, но не Саша: он
Кипел против отца негодованьем:
«Злодей! тиран!» – и тысячу
имен,
Таких же милых, с истинным вни-
маньем,
Он расточал ему. Но счастья сон,
Как ни бранись, умчался невоз-
вратно...
Уже готов был юноша разврат-
ный
В последний раз на ложе пуховом
Вкусить восторг, в забытии
немом
Уж и она, пылая в расслабленье
Раскинулась, как вдруг – о, прови-
денье! —

*Удар ногою с треском растворил
Стеклянной двери обе половины,
И ночника луч бледный озарил
Живой скелет вошедшего мужчи-
ны.*

*Казалось, в страхе с ложа он вско-
чил, —*

*Растрепан, босиком, в одной ру-
башке, —*

*Вошел и строго обратился к Саш-
ке:*

«Eh bien, monsieur, que vois-je?» —

«Ah, c'est vous!»

*«Pourquoi ce bruit? Que faites-vous
donc?» — «Je f<..>!»[4]*

*И, молвив так (пускай простит
мне муза),*

*Одним тузом он выгнал вон
француза.*

И вслед за ним, как лань кавказ-
ских гор,
Из комнаты пустилася бедняж-
ка,
Не распротяжься, но кинув нежный
взор,
Закрыв лицо руками... Долго Саш-
ка
Не мог унять волнение сердца.
«Вздор, —
Шептал он, — вздор: любовь не
жизнь!» Но утро
Подернув тучки блеском перла-
мутра,
Уж начало заглядывать в окно,
Как милый гость, ожидаанный
давно,
А на дворе, унылый и докучный,
Раздался колокольчик однозвуч-
ный.

К окну с волнением Сашка подбе-
жал:
Разгонных тройка у крыльца
большого.
Вот сел ямщик и вожжи подо-
брал;
Вот чей-то голос: «Что же, всё
готово?»
– «Готово». – Вот садится... Он
узнал:
Она!.. В чепце, платком окутав
шею,
С обычною улыбкою своею,
Ему кивнула тихо головой
И спряталась в кибитку. Бич ли-
хой
Взвился. «Пошел!»... Колесы засту-
чали...
И в миг... Но что нам до чужой
печали?

Давно ль?.. Но детство Саши протекло.

Я рассказал, что знать вам было нужно...

Он стал с отцом браниться: не могло

И быть иначе, – нежностью наружной

Обманывать он почитал за зло,
За низость, – но правдивой мести
знаки

Он не щадил (хотя б дошло до драки).

И потому родитель, рассчитав,
Что укрощать не стоит этот нрав,

Сынка, рыдая, как мы все умеем,
Послал в Москву с французом и лакеем.

*И там проказник был препоручен
Старухе-тетке самых строгих
правил.*

*Свет утверждал, что резвый Ку-
пидон*

Ее краснеть ни разу не заставил.

*Она была одна из тех княжен,
Которые, страшась святого бра-
ка,*

*Не смеют дать решительного
знака*

*И потому в сомненьи ждут да
ждут,*

*Покуда их на вист не позовут,
Потом остаток жизни, как уме-
ют, —*

*За картами клеветуют и желте-
ют.*

*Но иногда какой-нибудь лакей,
Усердный, честный, верный, остро-
рожный,
Имея вход к владычице своей
Во всякий час, с покорностью воз-
можной,
В уютной спальне заменяет ей
Служанку, то есть греет одеяло,
Подушки, ноги, руки... Разве мало
Под мраком ночи делается дел,
Которых знать и чорт бы не хо-
тел,
И если бы хоть раз он был свиде-
тель,
Как сладко спит седая доброде-
тель.*

Шалун был отдан в модный пансион,
Где много приобрел прекрасных правил.
Сначала пристрастился к книгам он,
Но скоро их с презрением оставил.
Он увидал, что дружба, как поклон —
Двусмысленная вещь; что добрый малый
Товарищ скучный, тягостный и вялый;
Чуть умный – и забавен и сносней,
Чем тысяча услужливых друзей.
И потому (считая только явных)
Он нажил в месяц сто врагов забавных.

*И снимок их, как памятник свя-
той,
На двух листах, раскрашенный
отлично,
Носил всегда он в книжке запис-
ной,
Обернутой атласом, как прилич-
но,
С стальным замком и розовой
каймай.
Любил он заговоры злобы тайной
Расстроить словом, будто бы
случайно;
Любил врагов внезапно удивлять,
На крик и брань – насмешкой от-
вечать,
Иль, притворясь рассеянным
невеждой,
Ласкать их долго тщетною на-
деждой.*

*Из пансиона скоро вышел он,
Наскуча всё твердить азы да бу-
ки,
И, наконец, в студенты посвящен,
Вступил надменно в светлый
храм науки.
Святое место! помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый
ром;
Их гордый вид пред гордыми вла-
стями,
Их сюртуки, висящие клочками.*

Бывало, только восемь бьет ча-
сов,
По мостовой валит народ ученый.
Кто ночь провел с лампадой средь
трудов,
Кто в грязной луже, Вакхом упо-
енный;
Но все равно задумчивы, без слов
Текут... Пришли, шумят... Про-
фессор длинный
Напрасно входит, кланяется чин-
но, —
Он книгу взял, раскрыл, прочел...
шумят;
Уходит, – втрое хуже. Суций ад!..
По сердцу Сашке жизнь была та-
кая,
И этот ад считал он лучше рая.

*Пропустим года два... Я не хочу
В один прием свою закончить по-
весть.*

*Читатель знает, что я с ним шу-
чу,*

*И потому моя спокойна совесть,
Хоть, признаюсь, много пропущу
Событий важных, новых и чудес-
ных.*

*Но час придет, когда, в пределах
тесных*

*Не заключен и не спеша вперед,
Чтоб сократить унылый эпизод,
Я снова обращаю вниманье ваше
На те года, потраченные Сашей...*

*Теперь героев разбудить пора,
Пора привести в порядок их одеж-
ды.*

*Вы вспомните, как сладостно
вчера*

*В объятьях неги и живой надеж-
ды*

*Уснула Тирза? Резвый бег пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулась позд-
но...*

*Растрепанные волосы назад
Рукой откинув и на свой наряд
Взглянув с улыбкой сонною, снача-
ла*

Она довольно долго позевала.

*На ней измято было всё, и грудь
Хранила знаки пламенных лобза-
ний.*

*Она спешит лицо водой сплеснуть
И кудри без особенных стараний
На голове гребенкою заткнуть;
Потом сорочку скинула, небреж-
но
Водою обмывает стан свой неж-
ный...*

*Опять свежа, как персик моло-
дой.*

*И на плеча капот накинув свой,
Пленительна бесстыдной наго-
тою,*

Она подходит к нашему герою,

*Садится в изголовьи и потом
На сонного студеной влагой плещет.
Он поднялся, кидает взор кругом
И видит, что пора: светелка блестя,
Озарена роскошным зимним
днем;
Замерзших окон стекла серебруются;
В лучах пылинки светлые вертятся;
Упругий снег на улице хрустит,
Под тяжестью полозьев и копыт,
И в городе (что мне всегда досадно),
Колокола трезвонят беспощадно...*

Прелестный день! Как пышен бо-
жий свет!
Как небеса лазурны!.. Торопливо
Вскочил мой Саша. Вот уж он
одет,
Атласный галстук повязал лени-
во,
С кудрей ночных восторгов сгла-
дил след;
Лишь синеватый венчик под гла-
зами
Изобличал его... Но (между нами,
Сказать тихонько) это не порок.
У наших дам найти я то же б
мог,
Хоть между тем ручаюсь голо-
вою,
Что их невинней нету под луною.

Из комнаты выходит наш герой,
И, пробираясь длинным коридо-
ром,
Он видит Катерину пред собой,
Приветствует ее холодным взо-
ром,
И мимо. Вот он в комнате дру-
гой:
Вот стул с дрожащей ножкою и
рядом
Кровать; на ней, закрыта, кверху
задом
Храпит Параша, отвернув лицо.
Он плащ надел и вышел на крыль-
цо,
И вслед за ним несутся восклица-
нья,
Чтобы не смел забыть он обеща-
нья:

Чтоб приготовил модный он наряд

Для бедной, милой Тирзы, и так
дале.

Сказать ли, этой выдумке был
рад

Проказник мой: в театре, в пестрой
зале

Заметят ли невинный маскарад?

Зачем еврейку не утешить тайно,

Зачем толпу не наказать случайно-
но

Презреньем гордым всех ее причуд?

И что молва? – Глупцов крикливый суд,

Коварный шопот злой старухи,
или

Два-три намека в польском иль в
кадрили!

Уж Саша дома. К тетке входит
он,
Небрежно у нее целует руку.
«Чем кончился вчерашний ваш бо-
стон?
Я б не решился на такую скуку,
Хотя бы мне давали миллион.
Как ваши зубы?.. А Фиделька где
же?
Она являться стала что-то ре-
же.
Ей надоел наш модный круг, – увы,
Какая жалость!.. Знаете ли вы,
На этих днях мы ждем к себе ко-
мету,
Которая несет погибель свету?..

«И поделом, ведь новый магазин
Открылся на Кузнецком, – не
удобно ль
Вам посмотреть?.. Там есть
мамзель *Aline*,
Monsieur Dupré, Durand, француз
природный,
Теперь купец, а бывший дворянин;
Там есть мадам *Armand*; там
есть субретка
Fanchoux – плутовка, смуглая ко-
кетка!
Вся молодежь вокруг ее вертит-
ся.
Мне ж всё равно, ей-богу, что слу-
чится!
И по одной значительной причине
Я только зритель в этом магази-
не.

*«Причина эта вот – мой кошелек:
Он пуст, как голова француза, –
малость*

*Истратил я; но это мне урок —
Ценить дешевле ветреную ша-
лость!»*

*И, притворясь печальным сколько
мог,*

*Шалун склонился к тетке, два-
три раза*

*Вздыхнул, чтоб удалась его прока-
за.*

Тихонько ларчик отперев, она

Заботливо дорылась до дна

*И вынула три беленьких бумаж-
ки.*

*И... вы легко поймете радость
Сашки.*

Когда же он пришел в свой кабинет,
То у дверей с неподвижностью при-
мерной,
В чалме пунцовой, щегольски
одет,
Стоял арап, его служитель вер-
ный.
Покрыт, как лаком, был чугу-
нный цвет
Его лица, и ряд зубов перловых,
И блеск очей открытых, но суро-
вых,
Когда смеялся он иль говорил,
Невольный страх на душу наво-
дил;
И в голосе его, иным казалось,
Надменностью безумной отзывалось.

Союз довольно странный заклю-
чен
Меж им и Сашей был. Их разгово-
ры
Казались таинственны, как сон;
Вдвоем, бывало, ночью, точно во-
ры,
Уйдут и пропадают. Одарен
Соображеньем бойким, наш прия-
тель
Восточных слов был страшный
обожатель,
И потому «Зафиром» наречен
Его арап. За ним повсюду он,
Как мрачный призрак, следовал, и
что же? —
Все восхищались этой скверной
рожей!

*Зафиру Сашка что-то прошеп-
тал.
Зафир кивнул курчавой головою,
Блеснул, как рысь, очами, денег
взял
Из белой ручки черною рукою;
Он долго у дверей еще стоял
И говорил всё время, по несча-
стью,
На языке чужом, и тайной стра-
стью
Одушевлен казался. Между тем,
Облокотись на стол, задумчив,
нем,
Герой печальный моего рассказа
Глядел на африканца в оба глаза.*

*И, наконец, он подал знак рукой,
И тот исчез быстрее китайской
тени.
Проворный, хитрый, с смелою ду-
шой,
Он жил у Саши как служебный ге-
ний,
Домашний дух (по-русски домо-
вой);
Как Мефистофель, быстрый и по-
слушный,
Он исполнял безмолвно, равно-
душно,
Добро и зло. Ему была закон
Лишь воля господина. Ведал он,
Что кроме Саши, в целом божьем
мире
Никто, никто не думал о Зафире.*

Однако были дни давным-давно,
Когда и он на берегу Гвинеи
Имел родной шалаш, жену, пшено
И ожерелье красное на шее,
И мало ли?.. О, там он был звено
В цепи семей счастливых!.. Там
пустыня
Осталась неприступна, как свя-
тыня.
И пальмы там растут до обла-
ков,
И пена вод белее жемчугов.
Там жгут лобзанья, и пронзают
очи,
И перси дев черней роскошной но-
чи.

*Но родина и вольность, будто сон,
В тумане дальнем скрылись
невозвратно...*

*В цепях железных пробудился он.
Для дикаря всё стало непонятно*

*Блестящих городов и шум и звон.
Так облачко, оторвано грозой,
Бродя одно под твердью голубою,
Куда пристать не знает; для него
Всё чуждо – солнце, мир и шум
его;*

*Ему обидно общее веселье, —
Оно, нахмурясь, прячется в уще-
лье.*

*О, я люблю густые облака,
Когда они толпятся над горою,
Как на хребте стального шишака
Колеблемые перья! Пред грозой,
В одеждах золотых, издалека
Они текут безмолвным карава-
ном,
И, наконец, одетые туманом,
Обнявшись, свившись будто куча
змей,
Беспечно дремлют на скале своей.
Настанет день, – их ветер вновь
уносит:
Куда, зачем, откуда? – кто их
спросит?*

*И после них на свете нет следа,
Как от любви поэта безнадеж-
ной,
Как от мечты, которой никогда
Он не открыл вниманью дружбы
нежной.*

*И ты, чья жизнь как беглая звезда
Промчалась неслышно между на-
ми,
Ты мук своих не выразишь слова-
ми;
Ты не хотел насмешки выпить яд,
С улыбкою притворной, как Со-
крат;
И, не разгадан глупою толпою,
Ты умер чуждый жизни... Мир с
тобою!*

И мир твоим костям! Они сгни-
ют,
Покрытые одеждою военной...
И сумрачен и тесен твой приют,
И ты забыт, как часовой бессмен-
ный.
Но что же делать? – Жди, авось
придут,
Быть может, кто-нибудь из
прежних братьев.
Как знать? – земля до молодых
объятий
Охотница... Ответствуй мне, пе-
вец,
Куда умчался ты?.. Какой венец
На голове твоей? И всё ль, как
прежде,
Ты любишь нас и веруешь надеж-
де?

*И вы, вы все, которым столько
раз
Я подносил приятельскую чашу,*

*Какая буря в даль умчала вас?
Какая цель убила юность вашу?
Я здесь один. Святой огонь погас
На алтаре моем. Желанье славы,
Как призрак, разлетелось. Вы пра-
вы:
Я не рожден для дружбы и пиров...
Я в мыслях вечный странник, сын
дубров,
Ущелий и свободы, и, не зная
Гнезда, живу, как птичка кочевая.*

Я для добра был прежде гибнуть
рад,
Но за добро платили мне презре-
нием;
Я пробежал пороков длинный ряд
И пресыщен был горьким насла-
ждением...
Тогда я хладно посмотрел назад:
Как с свежего рисунка, сгладил
краску
С картины прошлых дней, вздох-
нул и маску
Надел, и буйным смехом заглу-
шил
Слова глупцов, и дерзко их казнил,
И, грубо пробуждая их беспеч-
ность,
Насмешливо указывал на веч-
ность.

О, вечность, вечность! Что най-
дем мы там
За неземной границей мира? –
Смутный,
Безбрежный океан, где нет векам
Названья и числа; где бесприют-
ны
Блуждают звезды вслед другим
звездам.
Заброшен в их немые хороводы,
Что станет делать гордый царь
природы,
Который верно создан всех умней,
Чтоб пожирать растенья и зве-
рей,
Хоть между тем (пожалуй,
клясться стану)
Ужасно сам похож на обезьяну.

*О, суета! И вот ваш полубог —
Ваш человек: искусством завла-
девший
Землей и морем, всем, чем толь-
ко мог,
Не в силах он прожить три дня не
евши.
Но полно! злобный бес меня за-
влек
В такие толки. Век наш – век без-
божный;
Пожалуй, кто-нибудь, шпион ни-
чтожный,
Мои слова прославит, и тогда
Нельзя креститься будет без
стыда;
И поневоле станешь лицемерить,
Смеясь над тем, чему желал бы
верить.*

Блажен, кто верит счастьем и
любви,
Блажен, кто верит небу и проро-
кам, —
Он долголетен будет на земли
И для сынов останется уроком.
Блажен, кто думы гордые свои
Умел смирить пред гордою тол-
пою,
И кто грехов тяжелою ценою
Не покупал пурпурных уст и глаз,
Живых, как жизнь, и светлых, как
алмаз!
Блажен, кто не склонял чела
младого,
Как бедный раб, пред идолом дру-
гого!

Блажен, кто вырос в сумраке ле-
сов,
Как тополь дик и свеж, в тени зе-
леной
Играющих и шепчущих листов,
Под кровом скал, откуда ключ
студеный
По дну из камней радужных цве-
тов
Струей гремячей прыгает свер-
кая,
И где над ним береза вековая
Стоит, как призрак позднюю по-
рой,
Когда едва кой-где сучок гнилой
Трещит вдали, и мрак между вет-
вями
Отвсюду смотрит черными оча-
ми!

Блажен, кто посреди нагих степей
Меж дикими воспитан табунами;
Кто приучен был на хребте коней,
Косматых, легких, вольных, как
над нами
Златые облака, от ранних дней
Носиться; кто, головой припав на
гриву,
Летал, подобно сумрачному Диву,
Через пустыню, чувствовал, считал,
Как мерно конь о землю ударял
Копытом звучным, и вперед землю
Упругой был кидаем с быстротою.

Блажен!.. Его душа всегда полна
Поэзией природы, звуков чистых;
Он не успеет вычерпать до дна
Сосуд надежд; в его кудрях волни-
стых
Не выглянет до время седина;
Он, в двадцать лет желающий че-
го-то,
Не будет вечной одержим зевотой,
И в тридцать лет не кинет край
родной
С больною грудью и больной ду-
шой,
И не решится от одной лишь ску-
ки
Писать стихи, мараать в чернилах
руки, —

Или, трудясь, как глупая овца,
В рядах дворянства, с рабским
униженьем,
Прикрыв мундиром сердце подле-
ца, —
Искать чинов, мирясь с людским
презреньем,
И поклоняться немцам до кон-
ца...
И чем же немец лучше славяни-
на?
Не тем ли, что куда его судьбина
Ни кинет, он везде себе найдет
Отчизну и картофель?.. Вот на-
род:
И без таланта правит и за деньги
служит,
Всех давит он, а бьют его – не ту-
жит!

Вот племя: всякий чорт у них ба-
рон!
И уж профессор – каждый их са-
пожник!
И смело здесь и вслух глаголет
он,
Как Пифия, воссев на свой тре-
ножник!
Кричит, шумит... Но что ж? – Он
не рожден
Под нашим небом; наша степь
святая
В его глазах бездушных – степь
простая,
Без памятников славных, без сле-
дов,
Где б мог прочесть он повесть
тех веков,
Которые, с их грозными делами,
Унесены забвения волнами...

*Кто недоволен выходкой моей,
Тот пусть идет в журнальную
контору,
С листком в руках, с оравой дру-
зей,
И, веруя их опытному взору,
Печатает анафему, злодей!..
Я кончил... Так! дописана страни-
ца.
Лампада гаснет... Есть всему гра-
ница —
Наполеонам, бурям и войнам,
Тем более терпенью и... стихам,
Которые давно уж не звучали,
И вдруг с пера бог знает как упа-
ли!..*

Глава II

1

*Я не хочу, как многие из нас,
Испытывать читателей терпе-
нье,
И потому примусь за свой рассказ
Без предисловий. – Сладкое смяте-
нье
В душе моей, как будто в первый
раз,
Ловлю прыгунью рифму и, потея,
В досаде призываю Асмодея.
Как будто снова бог переселил
Меня в те дни, когда я точно
жил, —
Когда не знал я, что на слово
младость
Есть рифма: гадость, кроме риф-
мы радость!*

Давно когда-то, за Москвой-рекой,
На Пятницкой, у самого канала,
Заросшего негодною травой,
Был дом угольный; жизнь тогда
играла
Меж стен высоких... Он теперь
пустой.
Внизу живет с беззубой половиной
Безмолвный дворник... Пылью, па-
утиной
Обвешаны, как инеем, кругом
Карнизы стен, расписанных огнем
И временем, и окна краской белой
Замазаны повсюду кистью сме-
лой.

*В гостиной есть диван и круглый
стол
На витых ножках, вражеской ру-
кою
Исчерченный; но час их не пришел,
—*

*Они гниют незримо, лишь порою
Скользит по ним играющий Эол
Или еще крыло жилиц развалин —
Летучей мыши. Жалок и печален
Исчезнувших пришельцев гордый
след.
Вот сабель их рубцы, а их уж нет:
Один в бою упал на штык крова-
вый,
Другой в слезах без гроба и без сла-
вы.*

Ужель никто из них не добежал
До рубежа отчизны драгоценной?
Нет, прах Кремля к подошвам их
пристал,
И русский бог отмстил за храм
священный...
Сердитый Кремль в огне их прини-
мал
И проводил, пылая, светоч гроз-
ный...
Он озарил им путь в степи мороз-
ной —
И степь их поглотила, и о том,
Кто нам грозил и пленом и сты-
дом,
Кто над землей промчался, как
комета,
Стал говорить с насмешкой го-
лос света.

*И старый дом, куда привел я вас,
Его паденья был свидетель хлад-
ный.*

*На изразцах кой-где встречается
глаз*

*Черты карандаша, стихи и жадно
В них ищет мысли – и бесплодный
час*

*Проходит... Кто писал? С какою
целью?*

*Грустил ли он иль предан был ве-
селью?*

*Как надписи надгробные, оне
Рисуются узором по стене —
Следы давно погибших чувств и
мнений,*

Эпиграфы неведомых творений.

*И образы языческих богов —
Без рук, без ног, с отбитыми носами —*

*Лежат в углах низвергнуты с
столбов,*

*Раскрашенных под мрамор. Над
дверями*

*Висят портреты дедовских веков
В померкших рамах и глядят су-
рово;*

*И мнится, обвинительное слово
Из мертвых уст их излетит —
увь!*

*О, если б этот дом знавали вы
Тому назад лет двадцать пять и
боле!*

*О, если б время было в нашей во-
ле!..*

Бывало, только утренней зарей
Осветятся церквей главы златые,
И сквозь туман заблещут над го-
рой

Дворец царей и стены вековые,
Отражены зеркальною волной;
Бывало, только прачка молодая
С бельем господским из ворот, зе-
вая,

Выходит, и сквозь утренний мо-
роз

Раздастся первый стук колес, —
А графский дом уж полон суетою
И пестрых слуг заботливой тол-
пою.

И каждый день идет в нем пир гор-
рой.

Смеются гости, и бренчат ста-
каны.

В стекле граненом дар земли чу-
жой

Клокочет и шипит аи румяный,
И от крыльца карет недвижимый
строй

Далеко тянется, и в зале длинной,
В толпе мужчин, услужливой и
чинной,

Красавицы, столицы лучший
цвет,

Мелькают... Вот учтивый мену-
эт

Рисуется вам; шопот удивленья,
Улыбки, взгляды, вздохи, изъясне-
нья...

*О, как тогда был пышен этот
дом!
Вдоль стен висели пестрые шпалеры,
Везде фарфор китайский с серебром,
У зеркала.*

Примечания

Печатается по Соч. изд. «Academia» (т. 3, 1935, стр. 364–418). Стихи исправлены по черновому автографу первоначальной редакции (ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 34, тетрадь «Лекции из географии», лл. 57 об., 60–64 об, по выписке В. Х. Хохрякова в его тетради «Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова» (ИРЛИ, оп. 4, № 85, л. 2), по журналу «Русск. мысль» (1882, кн. 1, стр. 68—120).

Беловой автограф поэмы не сохранился. Имеются лишь отрывки чернового автографа (ГПБ). Отрывки утраченной части чернового автографа, а также содержащие четыре строфы, не вошедшие в окончательный текст, были опубликованы П. А. Ефремовым с дополнениями и поправками А. Н. Афанасьева в «Библиогр. записках» (1861, № 18, стлб. 557–563). Стихи, ошибочно принятые П. А. Ефремовым и А. Н. Афанасьевым за вариант стихотворения «Памяти А. И. Одоевского», были ими опубликованы в «Библиогр. записках» (1859, № 12, стлб. 383). Текст «Библиогр. записок» напечатан по списку с утраченной ныне «Чер-

новой тетради Лермонтова», заключавшей, кроме перечисленных выше строф, стихотворения: «Молитва» («Я, мать божия...»), «Ах! ныне я не тот совсем», «Он был в краю святом».

Сохранившийся автограф и текст, опубликованный в «Библиогр. записках», являются фрагментами ранней черновой редакции, в целом до нас не дошедшей.

Автограф последней редакции поэмы находился в Пензе у И. А. Панафутина. Он был известен В. Х. Хохрякову, который в 1857 году взял из него несколько в качестве эпиграфа к своему труду «Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова» (ИРЛИ, оп. 4, № 85, л. 2). В 1870 году И. А. Панафутин отослал автограф в Петербург для продажи в Публичную библиотеку (см. письмо В. Х. Хохрякова в Публичную библиотеку от 27 декабря 1870 г. Архив ГПБ, Дело управления, 1869, № 46, л. 16. Ср. И. Л. Андроников. Лермонтов. Обл. изд., Пенза, 1952, стр. 265). Однако покупка не состоялась, так как в канцелярии библиотеки объявили, что это произведение не Лермонтова, а Полежаева («Русск. мысль», 1882, кн. 1, стр. 67). Остает-

ся невыясненным, вернулся ли в 1870 году автограф к И. А. Панафутину или у него остался лишь список с автографа.

П. А. Висковатов узнал от В. Х. Хохрякова о местонахождении рукописи поэмы и, находясь в Пензе, в 1881 году снял копию с рукописи Панафутина (автографа или списка, не известно) и опубликовал поэму в «Русск. мысли» (1882, кн. 1, стр. 68—120). Ср. отдельный оттиск: Сашка. Поэма М. Ю. Лермонтова. М., тип. Кушнерева, 1882, 56 стр. с приложением печатного листа, восполняющего купюры, сделанные в тексте журнала. Имеется также копия (ИРЛИ, оп. 2, № 163), совпадающая по тексту с названным выше изданием поэмы, включая приложение и подстрочные примечания П. А. Висковатова. В двух местах текст рукописи поправлен; эти поправки («грязна» вместо «грозна», «блески» вместо «блестки») приняты в настоящем издании (впервые в Соч. изд. библиотеки «Огонек», т. 2, стр. 486).

В настоящее время утрачен не только автограф последней редакции поэмы, но также список И. А. Панафутина и копия П. А. Висковатова.

Во второй половине 1880-х годов Н. Н. Буковский, собирая рукописи для Лермонтовского музея Николаевского кавалерийского училища, сверил напечатанный Висковатовым текст со списком И. А. Панафутина. Копия поэмы, выправленная Н. Н. Буковским, послужила источником текста для Соч. изд. Академической библиотеки и для последующих изданий, вплоть до Соч. изд. «Academia». Но и эта копия, находившаяся сначала в Лермонтовском музее, а затем в частных руках, в настоящее время утрачена.

Несмотря на то, что текст, опубликованный в 1882 году, и текст, выправленный Н. Н. Буковским, восходят к автографу, находившемуся у И. А. Панафутина, между этими двумя текстами существует целый ряд весьма существенных расхождений.

Публикация 1882 года, как это отмечал впоследствии П. А. Висковатов, изобилует множеством типографских погрешностей. Кроме того, ряд мест автографа оказался неправильно прочитанным: вместо «от зноя» – «незнаемы», вместо «мамзель Aline» – «Мишель Abine», вместо «И ты забыт» – «И

зьябнешь ты», вместо «И всё ль» – «И весел ли» и др. В местах, трудно поддающихся прочтению, иногда произведена замена отдельных слов, а порою и целых строк в целях сохранения стихотворного. Но наиболее значительная доля разночтений объясняется изменениями, которые П. А. Висковатов вносил в текст, произвольно заменяя отдельные слова, выражения и целые строки. Сопоставление публикации 1882 года с черновыми набросками к поэме и текстом, выправленным Н. Н. Буковским, доказывает, что П. А. Висковатов устранял обороты, с его точки зрения неудобные для печати, и строки, противоречащие его собственным политическим взглядам. Есть и прямое свидетельство, обнаруживающее приемы работы П. А. Висковатова. На стр. 38 отдельного оттиска поэмы, подаренного Висковатовым А. Ф. Бычкову, имеется сноска к стиху («Чтоб поскорее осушить ей глазки»), написанная рукою П. А. Висковатова, карандашом: «Изменено мною, что я впрочем писал в редакцию. Было: „Чтоб поскорей добратсья до развязки“» (ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 78).

В 1889 году в Соч. под ред. Висковатова (т. 2, стр. 175–229) текст поэмы появился с некоторыми изменениями по сравнению с публикацией 1882 года. Здесь частично устранены опечатки и исправлены отдельные неверно прочитанные места (очевидно по копии, выправленной Н. Н. Буковским, а возможно, что и по автографу, о местонахождении которого глухо сказано в примечании – Соч., под ред. Висковатова, т. 2, стр. 347). В сноске к следующим стихам приведен вариант, отсутствующий в остальных списках:

*Он прострелил мне руку на дуэли
И ровно месяц от моей постели
Не отходил.*

Однако и издание 1889 года не дает исправного текста последней редакции поэмы. В ряде случаев Висковатов сохраняет в основном тексте фальсифицированные им места, а подлинный лермонтовский текст приводит в сносках как вариант (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 2, стр. 210, стих 1133, а также сноски на стр. 194, 204, 205, 206, 225).

Не свободна от некоторых погрешностей и

копия поэмы, выправленная Н. Н. Буковским по списку И. А. Панафутина, положенная в основу текста Соч. изд. «Academia».

В настоящее издание по источникам, указанным в начале примечания, введены некоторые уточнения, устраняющие смысловые и ритмические искажения текста: по черновому автографу (условное обозначение Ч), тетради Хохрякова «Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова» 1857 г. (X), публикации Ефремова с поправкой Афанасьева в «Библиогр. записках» 1861 г. (А), публикации Висковатова в «Русск. мысли» 1882 г. (В1), Соч. под ред. Висковатова, т. 2, 1889 г. (В2).

Стих 222. Шутя, смеясь, роскошно упала,
А

вместо: Шумя, смеясь, роскошно упала,

Стих 510. Случайно уцелевшая и сильно
В1, В2

вместо: Случайно уцелевшая, рукою сильной

Стих 541. Иван Ильич NN-ов, муж дородный
В1, В2

вместо: Иван Ильич N, муж дородный

Стих 703. Пишу, что мыслю, мыслю, что

придется Х

вместо: Пишу, что мыслю, или что придет-
ся

Стих 720. К тому же полуночный вой собак
В1, В2

вместо: К тому ж полночный вой собак
Стих 898. Иль свод небес взбунтуется, к
вершине Ч

вместо: И свод небес взбунтуется, к верши-
не

Стих 942. Вздыхал и хоронил его прилежно
Ч

вместо: Вздыхал, хранил его прилежно
Стих 970. В ней было всё, что увлекает ду-
шу В1, В2

вместо: В ней было всё, что греет душу
Стих 992. Молчит весь день и бредит в
ночь; бывало Ч

вместо: Молчит весь день и часто бредит
ночь

Стих 994. И ждет, чтоб платье мимо про-
жужжало Ч

вместо: И ждет, чтоб показалась Евы дочь
Стих 1056. Боясь всего: людей, дерев и све-
та В1, В2

вместо: Боясь всего: людей, дерев, а больше света

Стих 1306. Он книгу взял, раскрыл, прочел... шумят; В1, В2

вместо: Шумят... Он книги взял, раскрыл, прочел... шумят;

Стих 1415. Вздохнул, чтоб удалась его проказа В1, В2

вместо: Вздохнул, что удалась проказа.

Стих 1432. Меж им и Сашей был. Их разговоры В1, В2

вместо: Меж им и Сашей был давно. Их разговоры

Стих 1446. Он долго у дверей еще стоял В1, В2

вместо: Он долго у дверей стоял

Стих 1654. Был дом угольный; жизнь тогда играла В1

вместо: Был дом угольный; жизнь играла

При подготовке текста для настоящего издания редакция обращалась к работе Э. Э. Найдича «О тексте поэмы М. Ю. Лермонтова „Сашка“».

Прямых данных о времени написания по-

эмы не имеется. Однако есть основания предполагать, что Лермонтов работал над поэмой с 1835 до конца 1839 года.

П. А. Ефремов, впервые публикуя отрывки поэмы, датирует их 1839 или 1840 годом – на том основании, что в некоторых стихах главы I говорится, по его мнению, о смерти А. И. Одоевского.

Развернутая аргументация в пользу 1839 года как наиболее возможной даты написания поэмы содержится в Соч. изд. «Academia» (т. 3, 1935, стр. 602).

Датируя поэму 1839 годом, Б. М. Эйхенбаум опирался главным образом на содержание стихов, из которых следует, что Лермонтов писал эти строки в Петербурге (на «севере») и что речь идет в них о весне того года, когда Нева вскрылась особенно поздно, а на юге были морозы. В 1839 году Нева вскрылась 2 мая, и Лермонтов в это время был в Петербурге. Таким образом, этот год был признан Б. М. Эйхенбаумом наиболее возможной датой написания поэмы.

Существует и другая гипотеза, по которой поэма создавалась Лермонтовым в 1835–1836

годах. Впервые она была высказана П. Висковатовым, ссылавшимся на свидетельство А. П. Шан-Гирея о том, что Лермонтов писал поэму во время пребывания в Тарханах (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 2, 1889, стр. 344). 1835–1836 годами датирует поэму и И. Л. Андроников в Соч. изд. библиотеки «Огонек» (т. 2, 1953, стр. 487–489).

М. Ф. Николева в неопубликованной работе о поэме «Сашка» сообщила ряд фактов, подтверждающих предположение о том, что поэма создавалась в 1835 году. Основываясь на сведениях, содержащихся в тех же стихах, она приходит к выводу, что с наибольшей вероятностью эти сведения могут относиться не к 1839, а к 1835 году, так как и в этом году Лермонтов был в Петербурге и Нева вскрылась той весной со значительным опозданием – 28 апреля. Кроме того, газеты сообщали в 1835 году о сильных и поздних морозах на юге, в частности в Италии («Санкт-Петербургские ведомости», 1835, № 113).

Однако сообщенные М. Ф. Никелевой факты позволяют датировать лишь те строфы, на которые она ссылается, т. е. начальный этап

работы Лермонтова над поэмой.

Нахождение черновых отрывков в тетради «Лекции из географии», грубовато-фривольный тон некоторых стихов, отсутствующий в более зрелых произведениях Лермонтова, также свидетельствуют о том, что поэма могла быть начата в период, близкий к годам учения поэта в юнкерской школе.

В то же время есть основания предполагать, что работа Лермонтова над поэмой продолжалась и в следующие годы. В этом прежде всего убеждает наличие значительно отличающихся друг от друга стадий работы первоначальной редакции, заключенной в черновых набросках тетради «Лекции из географии», а также в отрывках, опубликованных Ефремовым в «Библиогр. записках», и последней редакции поэмы, отраженной в рукописи И. А. Панафутина.

Хронологически различные периоды отразились и в самом содержании поэмы. Так, в начале главы II рассказывается о Москве накануне 1812 года с указанием на то, что события происходили «тому назад лет двадцать пять и боле», т. е. писалось это около 1837 го-

да.

В других местах поэмы можно усмотреть косвенные отклики и на события более поздние. Вслед за воспоминаниями интимными, связанными с его юношеским чувством к В. А. Лопухиной, Лермонтов обращается мыслью к последующим годам, насыщенным «муками иными». В лирических отступлениях появляются стихи, адресованные друзьям, которых «буря в даль умчала» – «сынам свободы», посвятившим юность благородной цели. В тексте также говорится о трагической судьбе А. И. Полежаева.

Поэт Александр Иванович Полежаев (1804–1838), будучи студентом Московского университета, приобрел широкую известность как автор поэмы «Сашка» – о жизни студенческой молодежи с ее «жаждой вольности строптивой» и «необузданностью страстей» (1825). Поэма во множестве списков разошлась по Москве и в обстановке реакции после восстания декабристов прозвучала как новый вызов правительству. За создание этой поэмы Полежаев подвергся гонениям, долгое время находился в изгнании и, сломленный

жестокими репрессиями, 34-х лет умер в военном госпитале от чахотки.

Лирическое обращение к погибшему другу в строфах содержит ряд биографических сведений (смерть вдали от родных краев, упоминание о военной одежде, о большом человеческом обаянии погибшего певца), совпадающих с фактами биографии друга Лермонтова, поэта-декабриста А. И. Одоевского, умершего в ссылке на Кавказе 15 августа 1839 года. Таким образом, возможные сроки создания поэмы отодвигаются до этого времени. Некоторые стихи с небольшими изменениями впоследствии вошли в стихотворение «Памяти А. И. Одоевского», написанное в конце 1839 года.

Поэма «Сашка» в отдельных моментах автобиографична. Она отражает наблюдения и впечатления поэта, связанные с реальными фактами его жизни. Таковы строфы, повествующие о домашнем воспитании героя, о студенческих годах его жизни, о быте московского барства. Однако центральное действующее лицо поэмы, «друг» поэта – Сашка, не имеет определенного прообраза. Он не является портретом ни Александра Одоевского, ни

Александра Полежаева, ни самого автора. Сашка – образ собирательный, наделенный чертами, типичными для многих современников поэта. В основе произведения Лермонтова лежит повествование о бесплодной жизни одного из «героев» современной поэту действительности. Следуя за Пушкиным, Лермонтов в форме непринужденных поэтических записок, лирических размышлений, иногда средствами иронического повествования и сатиры ставил в своей поэме те же вопросы, которые определили идейный замысел «Евгения Онегина», а в его собственном творчестве – «Думы» и «Героя нашего времени». Несомненное влияние на литературный стиль поэмы Лермонтова оказал также пушкинский «Домик в Коломне». Поэтический размер поэмы «Сашка», как и вся структура одиннадцатистрочной строфы, повторен Лермонтовым в другом его произведении – поэме «Сказка для детей», писавшейся в 1839–1841 годах. Повторяются в «Сказке для детей» и отдельные стихи из поэмы «Сашка».

В Соч. под ред. Эйхенбаума (т. 2, стр. 504–505) высказано предположение, основан-

ное на содержании последних стихов главы I, о том, что поэма «Сашка» – законченное произведение, состоящее из 149 строф. Вторая глава по этой гипотезе рассматривается как начало новой поэмы. Однако документальные данные, подтверждающие это предположение, отсутствуют. В дошедших до нас источниках текста в состав поэмы входят первая и начало второй главы.

Стихи посвящены Варваре Александровне Лопухиной (1814–1851).

Стих со словами «Урчит и свищет» ср. с третьей строкой стихотворения Пушкина «Соловей и кукушка» (1825 г.): «Урчит и свищет, и гремит».

Стихи

*Гамлет сказал: «Есть тайны под
луной
И для премудрых», – как же мне,
поэту,*

– цитата из трагедии Шекспира «Гамлет» (конец первого акта, пятая сцена, слова Гамлета в диалоге с Горацио). «Гамлет» в переводе на русский язык М. Вронченка был издан в Петербурге в 1828 году и в переводе Н. Поле-

вого в Москве в 1837 году. Перевод Лермонтова не совпадает с названными изданиями и, очевидно, принадлежит самому поэту. У Шекспира буквально:

*There are more things in heaven and
earth, Horatio,
Than are dreamt of in your
philosophy.*

*Есть больше вещей на небе и на
земле, Горацио,
Чем снилось вашей философии.*

Стихи строф 75–76. Существует предположение, что в облике маркиза де Тесс Лермонтов запечатлел черты своего гувернера Жана Пьера Келлета Жандро, французского эмигранта, роялиста по убеждениям (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 36–37. Ср. Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Биография, т. I, Гослитиздат, М., 1945, стр. 53).

Строфы 76–80. Речь идет о событиях французской революции 1789–1793 годов, о казни короля Людовика XVI и его жены Марии Антуанетты.

Стихи строфы 79 посвящены французско-

му поэту и публицисту Андре Шенье (1762–1794), который в 1794 году был казнен за приверженность к королю и за деятельность, направленную против якобинского правительства. Пушкин в стихотворении «Андрей Шенье» (1825) и Лермонтов в стихотворении «Из Андрея Шенье» (1830–1831) переосмыслили историческую роль поэта и представили его как певца свободы, проявившего высокое гражданское мужество в борьбе против тирании.

Стих 952. Фоблаз – герой французского романа «Aventures du chevalier de Faublas» («Приключения кавалера Фобласа»), принадлежащего перу Жана Батиста Луве де Кувре (1760–1797). В романе описываются развращенные нравы дворянской молодежи во Франции во второй половине XVIII века. Произведение это частями издавалось в Лондоне в 1787–1790 годах; в России появилось под заглавием «Приключения Шевалье де Фобласа» в переводе А. И. Леванды (СПб., 1792–1796). Второе русское издание под заглавием «Жизнь и приключения кавалера Фоблаза» вышло в 1805–1806 годах в Москве. Ср. у Пуш-

кина «Фобласа давний ученик» («Евгений Онегин», глава I, строфа XII).

Строфа 118 содержит сведения, сходные с воспоминаниями о студенческой жизни А. И. Герцена, учившегося в Московском университете в те же годы, что и Лермонтов. В «Былом и думах» (т. I, гл. VII) Герцен пишет: «... наука не отвлекала от вмешательства в жизнь, страдавшую вокруг. Это сочувствие с нею необыкновенно поднимало гражданскую нравственность студентов. Мы и наши товарищи говорили в аудитории открыто всё, что приходило в голову; тетрадки запрещенных стихов ходили из рук в руки, запрещенные книги читались с комментариями, и при всем том я не помню ни одного доноса из аудитории, ни одного предательства».

Стихи

*Но все равно задумчивы, без слов
Текут... Пришли, шумят... Про-
фессор длинный
Напрасно входит, кланяется чин-
но, —
Он книгу взял, раскрыл, прочел...
шумят;*

Уходит, – втрое хуже. Сущий ад!..

Возможно, что в этих стихах содержится глухой намек на так называемую «маловскую историю», в которой участвовал Лермонтов: 16 марта 1831 года студенты нравственно-политического отделения Московского университета выгнали из аудитории невежественного профессора М. Я. Малова (см. примечание к стихотворению «Послушай, вспомни обо мне»).

К стиху

*Стоял арап, его служитель вер-
ный.*

в первых изданиях поэмы есть сноска П. Висковатова: «Арап этот был слугою в доме Лопухиных, близких друзей Лермонтова. Он его очень любил и в одном из писем упоминает о нем, как о друге своем». («Русск. мысль», 1882, кн. 1, стр. 111).

Сноски

Во всех известных списках за этим стихом следуют строки:

*Я поднимаю знамя возмущенья.
Ура! Сюда все девы! Прочь терпе-
нье!*

Эти два стиха выводятся из основного текста как вариант стихов 578–579. Одиннадцатистроочная строфа у Лермонтова не может содержать 13 строк. Из четырех смежных стихов с женскими рифмами два включены в строфу ошибочно. Оставляем в тексте наиболее вероятную из двух параллельных пар стихов.

[^^^]

Маркиз де Тесс (Франц.)

[^^^]

3

Сударь, это мое дело. (Франц.)

[^^^]

4

«Ну, сударь, что я вижу?» – «Ах, это вы!»

«Что это за шум? Что вы делаете?» – «Я
<...>!» (Франц.)

[^^^]